

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 60–69.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 60–69.

ПОЛИТИКА

Научная статья

УДК 342.72/.73

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-3/60-69>

ИНСТИТУТ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Ольга Суреновна Насхулиян

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
aum.07@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются место и роль института частной жизни в механизме обеспечения национальной безопасности в теоретико-правовом, доктринальном и историческом измерении. Автор показывает, что именно правовой статус частной жизни является индикатором реализуемой в конкретном социуме модели обеспечения национальной безопасности. Проводится анализ существенных аспектов политики национальной безопасности, важнейших юридических и иных средств ее осуществления в прошлом и настоящем, в разных типах государств. Отдельным вопросом статьи является определение эвристической и практической значимости метода «взвешивания» ценностей в национальном политико-правовом пространстве, использование которого определяет значение и гарантии института частной жизни в рамках обеспечения безопасности общества, государства и личности.

Ключевые слова: частная жизнь, государство, национальная безопасность, законы, личность, публичные интересы, правовая система, политическая система, правовые ценности, Конституция

Для цитирования: Насхулиян О. С. Институт частной жизни в контексте обеспечения национальной безопасности: историко-правовой и теоретико-правовой аспекты // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 60–69.

POLITICS

Original article

THE INSTITUTE OF PRIVATE LIFE IN THE CONTEXT OF ENSURING NATIONAL SECURITY: HISTORICAL-LEGAL AND THEORETICAL-LEGAL ASPECTS

Olga Surenovna Naskhuliyan

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
aum.07@mail.ru

Abstract. The article identifies and analyzes the place and role of the institution of private life in the mechanism of ensuring national security in the theoretical-legal, doctrinal and historical dimension. The author shows that it is the legal status of private life that serves as an indicator of the national security model implemented in a particular society. The paper studies the essential aspects of national security policy, the most important legal and other means of its implementation in the past and present, in different types of states. A separate issue of the article is the definition of the heuristic and practical significance of the method of "weighing" values in the national political and legal space, the use of which determines the significance and guarantees of the institution of private life in the framework of ensuring the security of society, the state and the individual.

Keywords: private life, state, national security, laws, personality, public interests, legal system, political system, legal values, Constitution

For citation: Naskhuliyan O. S. The institute of private life in the context of ensuring national security: historical-legal and theoretical-legal aspects // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 60–69.

Национальная безопасность в политико-правовом дискурсе: идеи и структура

Концептуализация феномена «национальная безопасность» начинается не в XX в., когда эта категория уже используется, например, в США, Канаде и в иных западных государствах, а также в политико-правовой практике стран, принадлежащих к другой цивилизационной традиции. Представления о природе и значимости национальной безопасности, ее базовых признаках и принципах, правовом механизме обеспечения имеют свои истоки в «глубинном» прошлом, а именно в возникших и развивающихся философско-правовых и политико-правовых дискурсах – от европейской Античности и Средневековья, Нового времени до отечественного

(классического) понимания ее сущности и специфики. Исследование основ государственности, выявление ключевых ее структур и функций уже в достаточно ранний период выводит исследователей на многообразие проблем обеспечения безопасности общества и личности, той или иной политической системы, тем более, что по мере эволюции последних, усложнения системы социальных связей, правовых и властных отношений (как особого их вида) количество угроз национальной безопасности постоянно возрастает, а «Вызов» (как это известно хотя бы из исторических работ А.Д. Тойнби) всегда предполагает в той или иной мере адекватный ему «Ответ».

Итак, разумеется, в самом общем виде **национальная безопасность** – это достигаемое с помощью разных средств и методов (например, юридических или неправовых), политических, духовно-нравственных (включая и религиозные), материальных и иных ресурсов состояние упорядоченности общественных отношений, стабильности базовых политико-правовых и социально-экономических институтов и соответствующих им связей, отвечающее интересам властных элит, человека и общества, потребностям в сохранении и постоянном воспроизводстве ключевых ценностей, мировоззренческих установок и норм, определяющих прогрессивное развитие нации в условиях рискогенного социального пространства.

В этом плане в разные века и тысячелетия исторические события проявляли выходящие на национальную «сцену» угрозы безопасности, некоторые из которых имеют еще «библейскую» основу: голод, война, эпидемии, депортации и «пленение» целых народов (здесь стоит обратить внимание на Ветхий Завет), разного рода политическое давление или откровенное насилие в сфере вероисповедания (например, принудительная исламизация или «окатоличевание» населения, либо «православизация» еврейского населения разных империй и т.п.).

Причем даже поверхностный взгляд на этот вопрос позволяет сделать вывод о том, что вряд ли теоретически верно и практически целесообразно отождествлять такие понятия, как «государственная безопасность» и «национальная безопасность», так как последнее, очевидно, выходит за пределы государственного поля и включает в себя иные, иногда не только негосударственные, но даже и неполитические элементы, виды национальной безопасности.

Трудно спорить и с тем, что далеко не всегда интересы и ценности государства как центрального института политической системы в полной мере совпадают с интересами социума и тем более отдельной личности, семьи, корпорации и т.п. Хотя нельзя отрицать и тот факт, что в особо опасных, кризисных или даже катастрофических ситуациях, когда политический (или политико-правовой) режим неизбежно (для спасения государства, общества, нации да и отдельных граждан) ужесточается, трансформируется, естественно, в сторону его авторитарно-тоталитарных разновидностей, диктаторских форм и соответствующих трендов либо происходит вполне

конституционно-правовое (например, ст. ст. 56, 88 Конституции РФ устанавливают возможность введения правового режима чрезвычайного положения, а ст. 87 этого же НПА – правовой режим военного положения) или иное установление особых правовых режимов (без изменения базового государственно-правового курса), государственные интересы максимально приближаются к общесоциальным, частным, индивидуальным.

Война (особенно война оборонительная), пандемии и эпидемии, голод, другие бедствия и разрушения при любом, даже самом либеральном и демократическом, государственно-правовом режиме выводят на первый план публичные интересы, разумеется, и чаще всего в ущерб частным интересам, частной (личной) жизни, юридически урезая соответствующие ей права и свободы (хотя в ряде конституций можно увидеть гарантии для некоторых из последних, даже после установления чрезвычайного режима, как этот имеет место, например, в ч.3. ст.56 Конституции РФ), что здесь просто неизбежно.

В общем же соотношение *частных* и *публичных* начал в правовом регулятивно-охранительном поле всегда значимо и для властных элит, и для населения, и для отдельного человека: оно имеет явный и вполне ощутимый характер, отражается на многих сторонах жизни социума, находит свое воплощение в идеологических установках, функциях государственного механизма, деятельности отдельных государственных органов (включая и суды, «силовые» правоохранительные структуры), конечно же, в законодательстве (по тексту действующих в конкретный момент законов и подзаконных актов можно определить место и роль всего «частного», а также «публичного» в государстве, оценить возможные перспективы развития этих институтов, по крайней мере, на ближайшее будущее).

Для понимания сущности и особенностей генезиса, развития и функционирования *механизма обеспечения национальной безопасности* вообще и специфики соотношения ее частноправовых и публично-правовых институтов необходимо остановиться на своего рода «архитектонических» его элементах.

Доктринальный «слой залегания» – это бытующие и оказывающие влияние на обыденное и профессиональное (юридическое, политическое, экономическое, религиозное и др.) сознание концепции, теории, отдельные идеи, типы правопонимания, представления о природе «политического» человека, политической системы, догматы и каноны, в рамках которых: во-первых, возникает и фиксируется на весьма долгий срок понимание антропологической природы человека, его духовной сферы, прав, свобод и обязанностей, сущностных основ этнической принадлежности, сути государственной (публичной) власти, ее форм и методов осуществления; во-вторых, закладываются базовые начала и ценности при осмыслении сути и особенностей национальной безопасности, ее гарантий и возможных угроз; в-третьих, фиксируются *аксиологические основы* в широком плане, в том числе и по отноше-

нию к отдельному *человеку, семье, общине*, социуму в целом; в-четвертых, определяются место и роль государства, его аппарата в жизни общества и отдельного человека, устанавливается допустимая (для конкретной антропологической модели, например «атомарной»¹ или «холистически-коллективистской») граница «вторжения» государственных органов в жизнь народа вообще и в личную сферу жизнедеятельности в частности. Здесь, разумеется, могут быть разные подходы и решения проблем национальной безопасности (либеральный дискурс, консервативный подход, теологические модели и др.). Например, Дж. Локк считал («Два трактата о правлении»), что государство по природе своей должно решать две основные задачи: «гарантировать естественные права человека» (свобода, равенство и собственность) и в то же время обеспечивать «мир и безопасность», причем возможность возникновения противоречий между этими действительно важнейшими государственными функциями он серьезно не предполагал и на рассматривал. В XX в. в политический, а затем в научный оборот термин «национальная безопасность», как известно, вводится в 1904 г. президентом США Т. Рузвельтом, который употребляет его в своем послании конгрессу США. И только затем политолог Г. Моргентау предлагает собственные теоретико-методологические наработки в этой области политико-правовых и социальных отношений, считая, что национальная безопасность – это состояние защищенности отдельных граждан, государства и общества.

1. Юридикто-стратегический и нормативно-правовой компонент. Он включает имеющие правоориентационный характер *стратегии* обеспечения национальной безопасности, меняющие друг друга по мере изменения первоочередных задач в этой сфере властных отношений, например, последней Стратегией национальной безопасности России является документ 2021 г., утвержденный Указом Президента РФ от 2.07.2021 г., № 400 и заменивший Стратегию национальной безопасности России 2015 г. Однако более устойчивыми во времени являются «Белые книги», известные в Великобритании, Германии, Франции, Китае, Японии и др., и целая система НПА разной юридической силы (в Российской Федерации – федеральные законы, подзаконные нормативно-правовые акты и др., но впервые в мировом нормативно-правовом пространстве только в 1947 г. был принят закон США «О национальной безопасности»). Конечно, и в идеале, и в реальном своем выражении этот уровень суть нормативное выражение господствующих в тот или

¹ «Гражданское общество – это конгломерат атомарных индивидуумов, комбинирующихся друг с другом произвольным (случайным) образом. В этом обществе нет границ, нет строго определенных социальных функций, нет сословий, нет каст и классов. Каждый атомарный гражданин следует за своими эгоистическими устремлениями... ограничения же возникают спонтанно только при столкновении с интересами другого гражданина. Задача «гражданского общества» состоит в том, чтобы максимально расширить свободу действий гражданина, ввести в правовые рамки формы столкновения интересов, устранив возможность насильственного разрешения конфликтных ситуаций» [1, с. 286].

иной исторический период доктринальных основ в области национальной безопасности, понимания значимости и иерархии ее разных видов (например, государственной, общественной или гуманитарной, военной, экологической и др.). Однако в условиях разного рода хаотических проявлений в государственно-правовом поле конкретного народа (в случае переходного типа государства и правовой системы, в случае кризисов и даже катастроф) неизбежно происходит своего рода рассогласование доктринального публичного дискурса и нормативно-правового «архитектонического слоя»: доктрины, как правило, меняются быстрее, чем их нормативно-правовое отражение, что естественно, и в этот период происходит неминуемый «разрыв» между «идеями», «концепциями», входящими, так или иначе, в идеологию национальной безопасности, и соответствующими НПА, возможно даже начиная с Конституции (например, в России в период конца 80-х–начала 90-х гг. XX в., в ФРГ в годы «денацификации» общества и государства в 1945–1950 гг. и т.п.).

2. Организационно-институциональный и материально-ресурсный компонент. Он включает в себя государственные и (в ряде стран) муниципальные органы власти, негосударственные структуры, вовлеченные в той или иной мере в механизм обеспечения национальной безопасности вообще или отдельных ее видов. Конечно, в первую очередь здесь следует назвать главу государства (Президента, монарха и др.), который в рамках своих конституционных либо иных полномочий наделен правом определения общей стратегии безопасности общества, человека и всей политической системы, формирования системы государственных структур, занимающихся этим вопросом, решения вопроса о вовлечении в сферу обеспечения национальной безопасности различных региональных и местных органов и организаций, а также «негосударственного» институционального сектора. Кроме него, разумеется, следует подчеркнуть особую роль правительств и, конечно же, отметить важность формирования и функционирования *специальных* властных органов, например, известный во всем мире Совет национальной безопасности США, созданный в 1947 г. (консультативный орган при Президенте США для решения наиболее важных вопросов в этой области) или Совбез РФ как конституционный государственный и консультативно-совещательный орган при Президенте РФ (п. «ж» ст. 83 Конституции РФ) и др. Собственно, деятельность этих властных структур и должна быть направлена на реализацию статей соответствующих НПА, принятых в тот или иной исторический момент политико-правовых доктрин в сфере национальной безопасности, а значит и на утверждение в этом проблемном поле ценностных начал, включающих представления о допустимой мере (рамках) свободы личности, важности гарантий частной жизни, уровне государственного (и иного публичного) вмешательства (правового, репрессивного, смешанного) в последнюю в силу необходимости обеспечения национальной (государственной, обществен-

ной, военной и иной) безопасности. Обратим внимание и на то, что институциональная конфигурация органов государственной власти, например, в соответствии с принципом *разделения* или, наоборот, *соединения* ветвей (или отраслей) властей не будет играть никакой роли, а именно влиять на эффективность их функционирования в плане обеспечения национальной безопасности, этот критерий оценки организации властного пространства в данном случае оказывается просто излишним. Ясно, что функционирование этих и иных органов, обеспечивающих национальную безопасность, будет невозможно без опоры на необходимые финансовые, материальные, технические (в первую очередь информационные, связанные с процессами «цифровизации» и искусственным интеллектом) ресурсы.

3. Право на частную жизнь в аксиологическом измерении: метод «взвешивания ценностей» и необходимые «жертвы» для обеспечения национальной безопасности. Такой, «трехслойный», но в полной мере системный характер механизма национальной безопасности, да еще когда последний рассматривается в своем функциональном и динамическом измерении, в правокультурном и правоментальном пространстве, оказывается неизбежно «заточенным» (особенно в своем функциональном измерении, в плане выбора допустимых средств и способов действия) на использование так называемого метода «взвешивания» ценностей, определяющего своего рода «цивилизационное» лицо этого социально-властного феномена.

Вообще, ценности – это «широкие тенденции предпочтения определенного положения дел перед другими, чувства, имеющие положительные и отрицательные стороны» [2, с.]. Т. Парсонс считал, что «ценности... это составные части социальной системы... общепринятые представления о желательном типе социальной системы» [3, с. 6]. В свою очередь Н. Смелзер усматривал в ценностях «...разделяемые в обществе (общности) убеждения относительно целей, к которым люди должны стремиться, и основных средств их достижения («терминальные» и инструментальные ценности)» [3, с. 6].

Понимание места и роли института частной жизни, личностного (семейного, корпоративного) пространства в системе национальной безопасности, взятое в социально-аксиологическом ракурсе, предполагает праксеологический подход к проблеме, а именно (для начала) формулировку ответов на существенный вопрос, связанный с соотношением прав человека и публичного (государственного) интереса в контексте эффективности механизма политико-правового противодействия угрозам государству, обществу и личности: «что лучше – ограничить, а то и вовсе «не заметить» права человека (например, принудить лицо к выдаче личных или профессиональных тайн) и благодаря этому предотвратить угрозу какому-либо виду национальной безопасности или раскрыть преступное деяние лиц или организаций (например, шпионаж, террористический акт или его подготовку), подрывающее основы защищенности властных структур, общественных организаций, социальных

и возрастных групп (например, детей, инвалидов, женщин и др.), т.е. является ли неким «абсолютом» частная жизнь, ее юридическая и фактическая неприкосновенность (личных, семейных или профессиональных тайн), которой нельзя пренебречь даже вопреки сохранению безопасного существования государства, этноса, социума и др., в общем, окружающего большинства?»

Метод взвешивания ценностей предполагает построение иерархии социально-правовых и иных приоритетов. Так, ориентируясь на принятые в конкретном обществе, соответствующие его архетипической и цивилизационной природе аксиологические установки, этот метод действует по принципу крайней необходимости, а именно всегда приносится в «жертву» меньшая социальная ценность ради сохранения большей (предпочтительной) ценности [3, с. 16–20]. Ясно, что это весьма сложная дилемма, которую должны осуществлять прежде всего органы государственной власти, руководствуясь многими обстоятельствами, факторами как объективного, так и субъективного порядка. В отношении института частной жизни в качестве таковых следует выделять:

1) признаваемую или, наоборот, отрицаемую в определенном типе цивилизации ценность института частной жизни со всеми следующими из нее правовыми и политическими принципами, этическими и религиозными установками большинства населения в отношении индивидуализма и коллективизма, «частности» и «публичности», сохранения либо разглашения тайн частной жизни (семейных, нотариальных, медицинских, усыновления и др.), неприкосновенности жилища человека (тайного проникновения, обыска и др.). Это своего рода правокультурная, а точнее – правоментальная основа для использования метода «взвешивания ценностей» и в правотворческой, и в правоприменительной сфере, что и определит выбор позиции властных элит в механизме обеспечения национальной безопасности;

2) социально-ценностные ориентиры представителей высшей государственной власти, которые, разумеется, имеют субъективный характер, но в рамках конкретных политических режимов (прежде всего авторитарно-тоталитарного характера) могут самым существенным образом изменить ранее привычную и устоявшуюся (причем даже тесно сопряженную с ментальной основой) юридико-аксиологическую среду. Здесь можно вспомнить хотя бы Нюрнбергские расовые законы, пакет которых был направлен на обеспечение «семейной», «этнической» и «демографической» безопасности, разумеется, в их националистической транскрипции, органичной идеологическому пространству III Рейха (например, известные имперские законы от 14.07.1933 г. и от 18.10.1935 г., ограничивающие браки с «неарийским» населением, и др.). Указанные законы прямо регулировали семейно-интимную сферу, деторождение и даже возможный выбор мужа или жены, причем не с позиции какого-либо правового стимулирования формирования семей и рождения детей, а в первую очередь в плане использования запретительно-обязывающих юри-

дических средств (элементов правового воздействия). Здесь ценностный выбор очевиден: вопросы безопасности государства и общества выше важности сохранения правовой автономии частной жизни, юридических гарантий «личного суверенитета», гражданин лишен права на личностный (нравственный, эмоциональный и др.) выбор, причем заметьте, что такая ситуация произошла в государстве, всецело принадлежащем к западному типу культуры и цивилизации, а значит прошедшему и «впитавшему» в себя базовые принципы «атомистической» социально-духовной парадигмы Нового времени, в ходе которой как раз на уровне общественного сознания и был зафиксирован европейский гуманизм, протестантский индивидуализм, иные «эгоцентристские» ценности. В СССР в ходе также хорошо известных сталинских репрессий складывается юридическая практика публичных отказов от родителей – «врагов народа», возникают особые юридические статусы «жена врага народа», «сын врага народа» и т.п., которых можно избежать только, если вовремя прервать соответствующие брачно-семейные связи и отношения. Ценность частной жизни, таким образом, приносилась на «алтарь» государственной, военной и некоторым иным видам безопасности (уже в 60-х годах XX в. В.М. Молотов в своих воспоминаниях отмечал, что такого рода жесткая репрессивная политика И.В. Сталина самым прямым образом повлияла на отсутствие «пятой колонны» в СССР в период Великой Отечественной войны);

3) преобладающие в том или ином обществе в конкретный исторический момент доктринально-политические и доктринально-правовые основы «взвешивания» ценностей. Например, можно вспомнить и оценить влияние философско-правовых и философско-политических построений Т. Гоббса (теория «суверена») и Дж. Локка (классический либерализм) на понимание места и роли государственной (верховой) власти в механизме обеспечения национальной безопасности в европейских государствах в Новое время, на возможность «вторжения» властных институтов в частную жизнь или провести анализ влияния марксистско-ленинской идеологии на советскую политику в этой области, либо в этом контексте рассмотреть содержание разного рода анархистских политико-правовых учений, противоположных им монархически-охранительных (консерватизм К.П. Победоносцева, М.Н. Каткова и др.), евразийских (Н.Н. Алексеев, Н.С. Трубецкой) и др. При этом, конечно, стоит учесть вид политического режима, в котором разворачивается действие тех или иных доктрин или концепций, выявить допустимый уровень «плюралистичности» мнений, позиций, взглядов.

Список источников

1. Дугин А. Г. Философия политики. М., 2004. 614 с.
2. Hofstede G. Culture's Consequences: international differences in work-related values. New York, 1980. 328 p.

3. Мамут Л. С. Государство в ценностном измерении. М.: Норма, 1998. 45 с.
4. Петрухин И. Л. Личные тайны (человек и власть). М.: Институт государства и права РАН, 1998. 230 с.

References

1. Dugin A. G. *Filosofiya politiki* [Philosophy of politics]. Moscow, 2004. 614 p. (In Russ.).
2. Hofstede G. *Culture's Consequences: international differences in work-related values*. New York, 1980. 328 p.
3. Mamut L. S. *Gosudarstvo v tsennostnom izmerenii* [State in the value dimension]. Moscow: Norma Publ., 1998. 45 p. (In Russ.).
4. Petrukhin I. L. *Lichnye tainy (chelovek i vlast')* [Personal secrets (person and power)]. Moscow: Institute of State and Law of the RAS, 1998. 230 p. (In Russ.).

Информация об авторе

О. С. Насхулиян – преподаватель кафедры финансового права, Юридический факультет, Институт экономики, управления и права, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия.

Information about the author

O. S. Naskhuliyan – Lecturer, Department of Financial Law, Faculty of Law, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 08.06.2023; одобрена после рецензирования 08.07.2023; принята к публикации 11.07.2023.

The article was submitted 08.06.2023; approved after reviewing 08.07.2023; accepted for publication 11.07.2023.